

От Берлина до Шуши...

Отшумела еще одна годовщина Победы, двойной победы... Во Второй мировой войне и в Арцахской. "После освобождения Шуши в 1992-м 9 мая в нашем праздничном календаре обрело новое значение", — говорится в обращении президента Роберта Кочаряна по случаю Дня победы. Примечательно, что отношение к этому событию на протяжении прошедших 14 лет несколько не изменилось — в нем неизменно присутствует патетика. Вполне понятная и оправданная, учитывая особую роль Шуши в армянской истории, учитывая полную драматизма судьбу самого города и навязанную ему роль в карабахском противостоянии.

Об этой роли Командос, генерал-майор Аркадий Тер-Тадевосян, руководивший шушинской операцией, выразился в свое время по-военному четко, но вместе с тем образно: "Каждый армянин любит Шуши, но из этого города сеяли смерть. Вот почему в 92-м взятие Шуши

стало главной стратегической задачей".

Известно, из Шуши установками "Град" нещадно обстреливался Степанакерт. Один армянский город по сути был натравлен на другой. Это шло вразрез с любой логикой — исторической, военной, человеческой... Возможно, и

поэтому освобождение Шуши состоялось, хотя, как говорит Командос, "по всем законам военной тактики в подобных условиях атакующая армия должна превосходить противника как минимум в три раза. наших же бойцов было всего 2800". Говоря об условиях, Аркадий Тер-Тадевосян имел в виду почти аналогичную численность войск противника и 35-километровую протяженность линии фронта. Феномен Шуши, по всеобщему мнению, заключался в том, что недостаточная численность компенсировалась духом, настроением бойцов, освобождавших свою, нашу землю.

Продолжение на стр. 2

От Берлина до Шуши...

Начало на стр. 1.

За время, прошедшее после мая 92-го, шушинская операция была не раз описана в деталях, проанализирована военными стратегами и политиками. Почти классическими стали и высказывания двух президентов — бывшего и нынешнего. "Шуши нельзя брать", — говорил Левон Тер-Петросян, сидя в своей резиденции под мирным ереванским небом. "Выражение построено правильно, но нуждается в маленькой поправке — Шуши нельзя не брать", — последовал из Степанакерта ответ Роберта Кочаряна. В Степанакерте, находящемся под разрушительным "Градом", это был не вопрос. Стояла вполне четкая, лишённая каких-либо сантиментов задача — подавить во что бы то ни стало находившиеся в Шуши огневые позиции противника, что автоматически и привело к освобождению древнего армянского города. Города, который за последние годы отстраивается, пытаясь залечить раны прошлого и восстановить утраченный статус культурного центра региона.

Впрочем, за свою историю Шуши не раз приходилось возрождаться. Резня и погромы, устроенные тюркскими кочевниками в 1905-м, когда сотни армянских домов были сожжены, а их хозяева убиты самым зверским образом... Вот как предстает Шуши в описаниях после погромов: "В 7 ч. вечера на улицах уже нет никого: благодаря отсутствию городского освещения над Шуши царствует злое мрак, и только тусклые огоньки в некоторых жилых домах говорят, что в городе есть еще живые люди... в особенности тяжелое впечатление производит центральная часть города. Тут огонь произвел полное опустошение, и там, где несколько дней тому назад гордо красовались 2-3-этажные каменные здания, теперь одни лишь развалины, обгорелые стены и груды всякого хлама. Тут толпой, видимо, руководили фанатизм, злоба и месть..."

"Нужно иметь сердце кровожадного зверя, дикаря, чтобы решиться на такой поступок, и ангельское сердце, чтобы простить этот поступок", — в эти же дни пишет "Тифлисский листок". Что и говорить, дикарей на нашу долю хватало. А

Шуши, стоявшая в особняке от окружавшего ее варварского мира, являя собой иной уровень в цивилизационном развитии, служила неким раздражителем. Удар, нанесенный азербайджанцами уже в 1920-м в ночь с 22 на 23 марта, оказался для города и вовсе роковым. По сути было вырезано все армянское население. Картины этого периода, как известно, сохранились и в исторических описаниях, и в литературе. Мариэтта Шагинян в своей книге "Нагорный Карабах", изданной в 1927-м, писала: "Я увидела остов Шуши. Два холма стояли передо мною, уставленные скелетами домов. ...Все носит мертвенно-бледный цвет обглоданного известняка. Церковь прекрасной архитектуры возникает карточным призраком с кой-где по воздуху висящим карнизом — вот-вот рассыплется. Стекла, крыша, орнамент, роспись — все снято, соскоблено, выпотрошено, — остался зыбкий остов, да и он плывет, как умирающий перед глазами, исколотыми этим видением". О том же и известные строки Мандельштама, повествующие о "сорока тысячах мертвых окон", над которыми "неба мреет темно-синяя чума"...

В марте 20-го один из разрушителей города азербайджанский офицер Алимарданбеков писал своему брату: "Эрмени Шуша, который ты видел, полностью сожжен. Оставили только 5-10 домов. Более 1000 армян взяты в плен. Всех мужчин истребили, даже халифа (священника — ред.), всех известных и зажиточных людей. Мусульмане ограбили несметные богатства армян и так обогатились, что обнаглели".

Уже в 1936-м Орджоникидзе на встрече с азербайджанской правительственной делегацией в Кремле сказал: "Я с ужасом вспоминаю и сегодня ту картину, которую мы увидели в мае 1920-го в Шуши. Красивейший армянский город был разрушен, разгромлен до основания и лежал в руинах..."

В годы новейшей истории правительство Азербайджана продолжало делать все, чтобы выветрить окончательно армянский дух из Шуши. "Центр азербайджанской культуры", "жемчужина Азербайджана"... Эти эпитеты до сих пор употребляют в Баку, вспоминая "исконный азербайджанский город", "город Гаджибекова и Бюль-Бюля"... Лиричес-

кие "излияния" поистине безграничны. "Шуша — она женского рода, как мать-сестра, а мы не смогли ее защитить, но вернуть обязаны". И при этом: "единственное, чего мы достигли за эти годы, — это научились жить без Шуши". Тогда спрашивается, в чем дело? Но нет, Оказывается, автор этой лирики никак не может забыть город-крепость вспыхивающие над ним звезды, поскольку "таких ярких звезд не бывает никогда в других местах".

...14 лет назад началась новая история города, история его возрождения как центра армянской, христианской культуры. Восстанавливаются разрушенные соседями памятники архитектуры. Воскресла из пепла церковь Казанчецоц, которую азербайджанцы поджигали трижды. Восстановлена и Каначам, которую "обладатели жемчужины" переоборудовали в галерею минеральных вод... Примеров такого варварства — тысячи. Увы, историю не повернуть вспять. Но взять ее в свои руки — возможно, что и доказала армянская армия в мае 1992-го.

Отдел политики